

Поняв намерение Ляо, женщина из пустыни тихо рассмеялась, протянула руки и запросто подняла её, держа на весу. Испуганная Ляо тут же обхватила шею этой проказницы. Такая реакция только обрадовала пустынную, и её лицо озарилось победной улыбкой. Взгляд её при этом скользнул в сторону Вань Цзюньи — явный вызов.

Вань Цзюньи лишь мысленно вздохнула, не желая ввязываться, и закрыла глаза, погрузившись в циркуляцию ци, следуя принципу «с глаз долой — из сердца вон».

Но в глазах женщины из пустыни это выглядело как признание поражения. Она победила, и оттого стала ещё самодовольнее.

— Отпусти меня, Мелуса, — наконец прошептала Ляо, вся покрасневшись. Голос её был тихим, как комариный писк, без тени гнева, мягкий и воркующий — совсем как капризное нытьё.

— Ха-ха, не отпущу. Ляо, я так по тебе скучала, думала о тебе день и ночь. А ты скучала по мне? — Мелуса прижала Ляо ещё крепче, поддерживая её за бёдра, чтобы той было удобно.

В тот же миг Ляо покраснела с головы до ног. Кожа у снежных людей и так белоснежная, а она к тому же «Покрытая снегом» — сейчас она была похожа на алую вуаль, брошенную на чистый снег, невыразимо прелестная.

Конечно, Ляо тоже по ней скучала. Но как такое выговорить? Из её уст вырывались лишь слова «отпусти меня».

Не дождавшись желаемого ответа, Мелуса надулась. Чтобы подразнить Ляо, она крутанулась на месте, и та в испуге прижалась к ней ещё сильнее. В это время взгляд Мелусы метнулся к двери, где проходивший мимо божественный ребёнок замер, а затем поспешно ретировался.

Уголки губ Мелусы задёргались. — Ляо, скучала ли ты по мне? Не скажешь — я сейчас же вынесу тебя на улицу!

Вот наглец!

Но Ляо не могла рассердиться, хоть слово и застряло у неё в горле, и произнести его было нестерпимо стыдно.

А Мелуса была из тех, кто слова на ветер не бросает. Тут же она шагнула к выходу.

Один шаг... Два шага...

Тело Ляо покачивалось в такт шагам. И когда она уже почувствовала за спиной холодок с улицы, то, крепко зажмурившись, выдавила из себя дрожащий шёпот: «Ску-у-учала...» — звук был так слаб и нежен, что мог растопить кости.

Мелуса тут же остановилась — отчасти потому, что добилась желаемого, и её кости тоже растаяли, но больше потому, что перед ней возникла фигура.

— Кхм-кхм.

Холодный кашель прозвучал внезапно. Ляо вздрогнула, и её лицо залилось густым румянцем.

— Отпусти мою сестру.

Голос стал ещё ледянее, а взгляд — острым, как клинок. Но Мелуса, будучи дочерью Великой Пустыни, не боялась ни неба, ни земли, потому встретила его взгляд, не дрогнув.

Однако Ляо похлопала её по спине, ясно давая понять, что пора заканчивать.

Мелуса не хотела ставить Ляо в неловкое положение, поэтому послушно опустила её на пол, но тут же схватила за руку. Это был её предел — отпустить она не собиралась.

Ляо не сопротивлялась и даже сжала в ответ её широкую ладонь. Затем она посмотрела на брата — Суна, что стоял в дверях, излучая ледяной холод.

Сун с каменным лицом бросил взгляд на свою беспутную сестру, а затем перевёл глаза на поднявшуюся Вань Цзюньи.

— Дева Ляо, я пойду. Если за лекарства нужно заплатить, пожалуйста, дайте мне знать, — сказала Вань Цзюньи, поднимая котелок с отваром и собираясь покинуть это неловкое место.

Ляо кивнула, не останавливая её. Сун у двери посторонился, но негромко, и непонятно к кому обращаясь, бросил два слова: «Дальняя родня».

Вань Цзюньи слегка нахмурилась, но не задержалась и вскоре оставила позади место, где воздух накалился до предела.

...

Спустившись вниз, она издалека увидела Чжоу Сюаня, стоящего у входа и гонящего ци, чтобы прогнать холод.

Вань Цзюньи не скрывала своих шагов, и Чжоу Сюань заметил её, но, будучи человеком немногословным, лишь молча сложил руки в приветствии, когда она подошла, и произнёс пять слов: «Названная сестра ещё не очнулась».

Вань Цзюньи слегка кивнула и вошла в дом.

Внутри всё было так же, как и когда она уходила, — холодно и пусто, будто здесь никто не жил.

Почему-то от этого на сердце становилось тоскливо.

Поставив котелок с лекарством на стол, Вань Цзюньи тихо подошла к ложу, отодвинула полог — и её глазам предстало то самое лицо.

Ли Чжао лежала с раскрасневшимся лицом, брови были нахмурены, губы плотно сжаты. Одеяло было сброшено на пол, а кулаки так и сжимались, будто она отчаянно с чем-то боролась.

Кажется, можно было догадаться, с чем...

Неосознанно тихо вздохнув, она прошептала: «Я в порядке».

И точно: сжатые кулаки Ли Чжао тут же разжались, брови разгладились, а в уголках губ заплясала улыбка. «Хорошо, что ты цела, Дева Цзюнь...» — пробормотала она сквозь сон.

Услышав это, Вань Цзюньи почувствовала странную тяжесть на душе.

Почему она так обо мне заботится?

Вопрос так и остался не задан.

Наклонившись, она взяла руку Ли Чжао и проверила пульс. Ситуация не изменилась: холод, сокрытый внутри, и сильный жар на поверхности. Вань Цзюньи немного успокоилась. Если состояние стабильно, не подвержено резким переменам, то этой глупышке не придётся терпеть лишних мук.

Закончив с пульсом, она подошла к столу, перевернула чашку, что стояла вверх дном, налила горячего отвара из котелка и, взяв чашку, вернулась к ложу, где и замерла в нерешительности.

Она смотрела на струйку пара, поднимающуюся из чашки, и на лице её появилась лёгкая растерянность.

Раньше, занимаясь врачеванием, она имела дело либо с пациентами в сознании, либо, если те были без памяти, рядом всегда находились родственники. Оставаться наедине с беспамятным больным ей довелось впервые.

Хотя давать снадобье спящим она и раньше давала, но тогда были помощники. Даже если пациент не мог глотать, родные вливали лекарство изо рта в рот. А сейчас...

Может, позвать господина Чжоу?

Подумав так, она сделала шаг, но, не успев ступить, остановилась.

Не стоит. Не говоря уже о том, согласилась бы на это Ли Чжао, господин Чжоу уже связан узами с другой. Даже будучи названными братом и сестрой, им следует держать дистанцию, если ситуация не критическая. А сейчас до критичности далеко.

Легонько вздохнув, она решила справиться сама.

Чтобы не обжечь Ли Чжао, она подождала, пока пар рассеется, сама пригубила, убедилась, что отвар тёплый, и только тогда собралась напоить лежащую. Вот только лекарство и вправду было горьким.

Увы, рынка поблизости не было, да и сребреников при себе Вань Цзюньи не водилось, чтобы купить засахаренных фруктов. Пришлось надеяться, что Ли Чжао сможет потерпеть.

Она приподняла Ли Чжао, дав той опереться на своё плечо. Даже через одежду и волосы передалось тепло, побежавшее от плеча к её щекам, мгновенно окрасив их в лёгкий румянец. Даже скованное тело слегка разогрелось от этого жара.

Она обняла лежащую, но держала её почти что понарошку. Долго колебавшись, её белые, как яшма, пальцы наконец коснулись щеки Ли Чжао. В то же время другая рука с чашкой быстро поднесла её к губам спящей, но, коснувшись алых губ, движение стало мягким и предельно осторожным.

Но пьющая совсем не сотрудничала. Видимо, было слишком горько: Ли Чжао невольно сморщилась и, высунув язык, выплюнула всё обратно, хотя глоток был совсем маленьким.

Вань Цзюньи испытала смесь досады и беспомощности. Когда та выплюнула последние капли, она лишь слегка моргнула, пальцами вновь приоткрыла ей рот и собралась продолжить...

На этот раз, едва чашка приблизилась, Ли Чжао заёрзала, едва не выбив лекарство из рук Вань Цзюньи. Мало того, в своём беспокойном верчении губы её коснулись пальцев Вань Цзюньи, и она дерзнула лизнуть их кончиком языка.

«...» Вань Цзюньи мгновенно отдернула руку. Место, где пальцы стали влажными, заныло и защекотало. На её лице тут же отразилось лёгкое раздражение, но в глазах читалась явная паника.

А виновница всего этого безмятежно спала...

Прошло немало времени, прежде чем Вань Цзюньи смогла пошевелить онемевшей рукой. Лекарство в чашке уже почти остыло, да и в котелке, наверное, скоро постигнет та же участь. Она слегка разозлилась, опустила глаза на безмятежно спящую Ли Чжао и холодно произнесла: «Если не хочешь пить — больше и не пей».

Беспамятная Ли Чжао тут же замерла, а затем послушно открыла рот — теперь уже не нужно было и держать её за щёки.

Увидев это, Вань Цзюньи едва заметно приподняла тонкую бровь, поднесла чашку к губам Ли Чжао и медленно влила отвар. Та, морщась, с трудом проглотила горькое снадобье, а потом высунула язык, выглядя крайне жалко.

Но это была лишь первая чашка. В котелке ещё полно.

Вань Цзюньи не была жестокосердной. Она принесла табурет и котелок, терпеливо наливая отвар чашка за чашкой, следя, чтобы ни капли не пропало.

Но по мере того как Ли Чжао, даже не просыпаясь, привыкла пить сидя, она лишилась объятий Девы Цзюнь, отчего выглядела ещё жалобнее.

Когда котелок опустел, Ли Чжао, всё ещё блуждающая в мире снов, улёгшись на ложе, лишилась и той глуповатой улыбки. Вместо неё на лице появилась обида, обидчивая и надутая.

<http://bllate.org/book/16264/1464079>